

Мальчик сидел на коленях за столом, склонившись так низко, что выбившаяся из аккуратной прически прядь падала на бумагу. Е Юнь заерзал и попытался принять более благопристойную позу, но тогда он оказался слишком далеко и мелкие иероглифы начали расплываться перед глазами. Он снова наклонился ниже.

За миг до того, как дверь отворилась, Е Юнь вскинул голову, настороженно вглядываясь в противоположный конец комнаты. Он был готов к этому, ждал этого, но все равно вздрогнул, когда мадам Е шагнула через порог.

- Не отвлекайся, - велела ему мать, заметив, что мальчик опустил кисть.

Оценив исписанные тонкой вязью иероглифов страницы, она кивнула, что означало безупречно выполненную работу - меньшего она бы не потерпела. Но Е Юнь не ощутил удовлетворения. Когда он поднялся на онемевшие от долгого сидения ноги, мать вдруг опустила одну руку ему на плечо, а второй подняла за подбородок, заставляя посмотреть себе в глаза. Е Юнь едва подавил желание не просто оттолкнуть ее, но и начать отбиваться изо всех сил.

Сын мадам Е внешне был ее копией, и по мере того, как он рос, сходство только усиливалось. Его мать была стройной женщиной, черноволосой и сероглазой, с острым и очень бледным лицом. Она была красива: Е Юнь знал об этом, потому что так говорили другие, но для него самого она была просто страшной.

- С каллиграфией на сегодня можно закончить.

Быстрая улыбка мелькнула на лице Е Юня - он еще не научился скрывать свои эмоции так хорошо, как научится делать это в будущем.

- А после вернемся к занятиям музыкой. Ты катастрофически отстаешь.

Улыбка исчезла с его лица, как солнце, зашедшее за тучи. Е Юню на миг показалось, что мать знает о том, как он это ненавидит; знает, и потому только заставляет его снова и снова практиковаться в игре на гуцине. Но этого, конечно, быть не могло. Ведь она хотела для него только лучшего.

Мадам Е прошла по комнате, шелестя юбками.

- Пока что твои успехи... удручают, - она произнесла это таким тоном, что горло у Е Юня перехватило. Он почувствовал, как стыд подступает к щекам и опустил голову.

Но, к несчастью, матушка была права. Лишь этот навык ему не удалось освоить в совершенстве.

Должно быть, Е Юнь родился с каким-то фатальным изъяном внутри, потому что музыкальные

инструменты пугали его едва ли не сильнее палки для наказаний. Звуки гуциня, этого великолепного древнего инструмента доставляли ему изощренно-мучительное беспокойство, необъяснимое и оттого еще более пугающее.

- Вэньжэнь - всесторонне образованный человек, практикующий разные виды элитарного искусства, и среди его представителей игра на гуцине стоит на первом месте. Не могу представить, чтобы мой сын оказался настолько бездарен, чтобы не освоить ее.

Женщина бросила взгляд на Е Юня, недовольная его молчанием.

- Ну, что скажешь?

Он знал, что следовало бы ответить. «Я обязательно научусь, матушка», но Е Юнь не был так уж уверен в этом. Поэтому он только пообещал:

- Я сделаю все возможное.

Мать сама учила его музыке, и Е Юнь знал, что должен был высоко ценить это. Она редко тратила на него свое время и обычно перепоручала мальчика учителям, принимая успехи сына и наказывая за провалы. Те, кто проявлял к Е Юню снисхождение, надолго в их доме не задерживались.

Он научился не спорить, но научиться не мечтать оказаться отсюда как можно дальше Е Юнь не мог. Должно быть, мать чувствовала в нем этот скрытый протест, и потому оставляла как можно меньше времени для размышлений. Кто знает, к каким мыслям может прийти он в одиночестве?

Львиная доля этого свободного времени приходилась на переходы от одного места к другому по коридорам поместья. Вот и сейчас, хотя Е Юнь двигался рядом с матерью, сохраняя осанку и не сбиваясь с шага, мыслями он находился далеко. Свежий ветер, коснувшийся его лица, принес далекий запах травы – вот и все, что было ему доступно.

Загнанное выражение против воли проступало на лице мальчика по мере того, как они приближались к музыкальной комнате, и невозможность хоть что-нибудь изменить приводила Е Юня в отчаяние. Все его существо сопротивлялось происходящему, но он переступил через порог и опустился на свое место у музыкального инструмента, стараясь ничем не выдать обуревавших его эмоций. Е Юнь знал, что от этого будет лишь хуже.

- Что мне играть, матушка?

- «Весенний рассвет в обители бессмертных».

Форма старинного гуциня напоминала тело птицы феникс, а паутина трещин в лаке создавала

похожий на перья узор. Этот инструмент казался слишком красивым, чтобы позволить прикасаться к нему ребенку, да еще и такому неумелому, но Е Юнь вовсе не чувствовал радости от оказанной ему чести.

Конечно, ему не сразу доверили этот гуцинь, настоящую реликвию – но матушка настояла, чтобы Е Юнь учился играть именно на нем. Струны у него были особенно жесткими и могли ранить до крови, а сам инструмент был гораздо тяжелее, чем выглядел. Порой эта вещь казалась почти одушевленной.

Пальцы Е Юня потянулись к струнам, извлекая длинный, протяжный звук, заполнивший комнату и отозвавшийся в каждой частичке его существа. Е Юнь знал, как должно было звучать начало мелодии; но затем чужеродная, визгливая нота вплелась в музыку, делая ее почти непереносимой для слуха.

- Не так! – мадам Е оборвала его, хмурясь. – Это совсем не то, что ты должен был сыграть. Послушай еще раз.

Цинь лег на ее колени, укрытые дорогим шелком, и Е Юнь невольно подивился тому, что эти руки способны прикасаться к чему-то столь ласково и бережно. Кисти мадам Е двигались грациозно и плавно, а лицо стало таким спокойным, что составляло теперь полную противоположность лицу сына: у Е Юня между бровей залегла морщинка, губы плотно сжались.

Цинь – самый чистый инструмент из всех, его мелодия несет успокоение и просветление. Тогда почему же ему было так плохо? Мальчик едва удержался, чтобы не закрыть уши руками. Он знал, что мать ему этого не простит. Она вообще ничего ему не прощала.

Долгое время Е Юнь считал, что мать его ненавидит из-за собственной ошибки. Мадам Е была опозорена, и он слышал, что говорят слуги. Единственная дочь высокого чиновника, она опорочила свою семью и родила ребенка, так и не выйдя замуж. Об этом шептались, но не слишком громко – после смерти родителей мадам Е оказалась главной в доме.

Может, все еще и наладилось бы, родился Е Юнь кем-то другим.

Темная энергия была настолько неотделима от него самого, что прежде мальчик даже не догадывался о ее существовании. Отклонить особенно сильный удар палки для наказаний было для него все равно что подставить руки, когда падаешь. Е Юнь лишь смутно подозревал, что что-то все же отличает его от других людей – что-то помимо злосчастливого имени и репутации матери – но сути этого отличия понять не мог. До тех пор, пока мадам Е не решила взять все в свои руки, застав однажды сцену наказания.

Она вдруг словно почувствовала что-то, и при взгляде на лицо матушки в этот момент сердце Е Юня замерло. Он понял, что делает что-то плохое, что-то... неправильное. Мадам Е всегда была строга к нему, но сейчас Е Юню хватило одного взгляда на нее, чтобы впасть в панику. Он видел ярость, которую она с трудом сдерживала – но вместо того, чтобы просто выплеснуть ее,

мать появилась в его комнате со стопкой священных трактатов старейшины Цюэ и заданием переписать их все.

Разумеется, он не успел сделать этого за ночь. Тогда она выпорола его сама – впервые – и ни одна порка до того не была такой жестокой. Поначалу Е Юнь пытался защищаться, но мадам Е заметила это и наказала его еще сильнее, хотя так и не сказала, за что.

На следующий день после того, как он оправился, матушка велела выучить главу из «трактата о природе вещей», посвященную темному совершенствованию. Какие слова еще ему требовались? Может, если Е Юнь научится не использовать темную энергию, она наконец полюбит его?

И когда пальцы Е Юня вновь легли на прохладное дерево, он решил, что сделает все, что возможно, только бы в этот раз у него получилось. Ведь он не мог столько часов провести за музыкой и не сумеет повторить хотя бы одну мелодию.

Подушечки пальцев коснулись струн так осторожно, словно те были смазаны ядом и при малейшем касании о них можно было порезаться. Первый звук вышел таким, как нужно; Е Юнь понял это потому, что почувствовал, как из него вытягивают нервы один за одним.

Мадам Е кивнула, но мальчик скорее догадался об этом, нежели увидел: в голове нарастал гул и все тело наливалось болью. Струны перед его глазами поплыли, превратившись в длинных тонких змей, и Е Юнь перевел взгляд на свои колени, чтобы их не видеть.

Это было словно резать самого себя до крови. Это ощущалось как что-то неправильное. Но он должен был закончить. Оставалась последняя часть.

Е Юню казалось, что внутри у него самого медленно, но неотвратно натягивается струна, готовая вот-вот лопнуть. В голове шумело и стучало, а во рту чувствовался металл. Как же это было больно!

Его пальцы в последний раз коснулись шелковых нитей, и Е Юнь выпрямился, только тут поняв, что дрожит. Он делал так много, так старался, но никогда не мог добиться одобрения матери. Он надеялся, что та хотя бы улыбнется, но, когда мальчик поднял глаза, то похолодел.

Мадам Е смотрела на него с таким выражением, что Е Юнь едва не отпрянул. Он растеряно опустил взгляд на свои руки, стараясь понять, что в этот раз сделал не так. Серебристое дерево, покрытое его смазанной кровью, было расколото надвое; широкая трещина прочертила гуцинь от драконовой десны до чела.

Е Юнь поднял полный ужаса взгляд на мать.

- Матушка...

Но не успел он закончить фразы, как неожиданно сильный удар сбил его с колен на пол.

- И за что мне такое проклятье? - голос мадам Е дрожал от ярости, она утратила всякий контроль над собой, - О чем я только думала? Тебя уже не исправить, и даже священный светлый артефакт здесь не поможет!

Никогда его мать не опускалась до рукоприкладства, и Е Юнь неосознанно коснулся щеки. Она могла наказывать его, но бить...?

- Я не хотел...

Но новый взгляд на мать заставил Е Юня замолкнуть. Он понял, что никакие слова здесь уже не помогут.

Она хотела его убить. Это осознание возникло из ниоткуда. Прежде Е Юнь старался не думать, испытывает ли мать к нему хоть какую-то привязанность, но сейчас он знал точно, что в эту секунду матушка его ненавидит.

- Должно быть, здесь есть и моя вина, раз я родила такого, как ты.

Е Юнь поднялся на дрожащие ноги, чувствуя, как кровь из ссадины на щеке заливают лицо. До двери было всего ничего, но мадам Е хватило лишь одного взгляда, чтобы понять его намерения.

- Ты не уйдешь из этого дома. Ты вообще не должен был родиться, но я исправлю свою ошибку.

Принимая вину на себя, было легче поддерживать связь с матерью, ведь это означало, что все его мучения не напрасны. Что он заслуживает этого. Но права мать или ошибается, это сейчас Е Юня не волновало.

Он уже был готов ринуться к двери, когда сильный толчок повалил его на пол.

В последний миг он успел подставить руки и потому не разбил себе голову, но промедление сделало свое. Руки у мадам Е были тонкими, но удивительно сильными и безжалостными. Горло сдавило, глаза Е Юня широко распахнулись.

- Нет! Пусти меня!

Мальчик рванулся, что было сил, и на миг ее хватка ослабла; но затем мать навалилась на него всем телом, пригвоздив к полу намертво.

Е Юнь так давно подавлял свою темную энергию, так долго ее сдерживал, что теперь почти не узнал ее. Она казалась странной и чужеродной, и она совсем не поддавалась контролю; но она по-прежнему защищала его. И когда Е Юнь увидел искаженное ненавистью лицо матери, то оттолкнул ее со всей силой своего страха.

Послышался глухой удар. Е Юнь скрючился в комок, все еще задыхаясь и кашляя. Когда наконец он смог восстановить дыхание, то перевернулся на живот и посмотрел в угол – туда, где лежало тело матери. Ее густые темные волосы рассыпались по полу, а под головой, похожее на чернильную лужу, расплзлось пятно крови.

Е Юнь подался вперед, желая прикоснуться к ее плечу, но на полпути остановился. Что, если она сейчас встанет? А если нет? Он не знал, что из этого пугало его сильнее. Мальчик замер, вглядываясь в бездвижное тело.

...нет, ему не кажется. Она дышит.

Е Юнь встал, пошатываясь от головокружения - нужно было уходить. Он не знал, будет ли кто-то его искать, но все равно следовало поторопиться.

За окном грохотал дождь. Не глядя назад и не теряя времени на размышления, Е Юнь побежал.

<http://tl.rulate.ru/book/46940/1411080>